

Журнал выходит 4 раза в год.

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): office@abimperio.net

С. В. Глебов (США и Канада): ai_us@abimperio.net

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): marina@abimperio.net

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): semyonov@abimperio.net

И. С. Мартынюк (Рецензии и библиография): igor.martynyuk@abimperio.net

Почтовый адрес редакции:

И. В. Герасимов

Ab Imperio

420015 г. Казань А/Я 157

Электронная страница журнала <http://abimperio.net>

© Авторы статей и иных опубликованных материалов, 2007.

Материалы журнала реферируются в следующих изданиях:

Historical Abstracts и *America: History and Life*

Номер издан при финансовой поддержке

фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и фонда Герды Хенкель

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

The journal is published four times a year.

Ab Imperio is an affiliated journal

of the **American Association for the Advancement of Slavic Studies**

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): office@abimperio.net

Dr. Serguei Glebov (USA and Canada): ai_us@abimperio.net

Dr. Alexander Kaplunovski (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): marina@abimperio.net

Dr. Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): semyonov@abimperio.net

Igor. S. Martynyuk (Reviews and Bibliography): igor.martynyuk@abimperio.net

Postal address:

Dr. Ilya V. Gerasimov, Ab Imperio

P.O. Box 157, Kazan 420015 Russia

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://abimperio.net>

Each contribution copyright © 2007 by its author. All rights reserved.

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in

Historical Abstracts and *America: History and Life*

This issue is produced with financial support

from the **John D. and Catherine T. MacArthur Foundation**

and the **Gerda Henkel Stiftung**

For subscription, please contact editors or our authorized distributors:

Kubon & Sagner Buchexport-Import: www.kubon-sagner.de

EBSCO: www.ebscoind.com;

East View Publications: www.eastview.com;

and www.amazon.com

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ Ilya V. GERASIMOV

Сергей В. ГЛЕБОВ Serguei V. GLEBOV

Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ Alexander P. KAPLUNOVSKI

Марина Б. МОГИЛЬНЕР Marina B. MOGILNER

Александр М. СЕМЕНОВ Alexander M. SEMYONOV

Рецензии и библиография Reviews and Bibliography

Игорь С. МАРТЫНЮК Igor S. MARTYNYUK

Литправка и корректура Style Editing and Proofreading

Елена ГОРОБЕЦ Elena GOROBETS

Патрик ДИГАН Patrick W. DEEGAN

4/2007

www.abimperio.net

tific Society (after 1892) and Ukrainian Scientific Society (after 1907), the activities of the leader of these institutions, Mykhailo Hrushevsky and his like-minded fellows.

Лилия БЕРЕЖНАЯ

**“УКРАИНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК”
СТЕПАНА ТОМАШИВСЬКОГО (1875-1930),
ИЛИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ “ВООБРАЖАЕМОЙ
ГЕОГРАФИИ” НАЧАЛА ХХ ВЕКА***

Читателям *Ab Imperio* хорошо известно, что количество публикаций на тему “Есть ли для Украины место в Европе?” неуклонно растет в последнее время. Можно даже сказать, что объем интеллектуальной продукции на эту тему напоминает снежный ком, грозящий упасть и завалить не только стороннего читателя, но и самих участников дискуссии. Однако не все так безнадежно. Существуют уже серьезные исследования, посвященные дискурсу “европейскости” Украины в среде украинских интеллектуалов.¹ Такие публикации призваны ввести дискуссию в некоторое системное русло анализа основных аргу-

* Автор выражает глубокую признательность трем анонимным рецензентам журнала за ценные замечания и предложения.

¹ О. Гнатюк. Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність. Київ, 2006; Н. Яковенко. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // Дух і літера. 1998. № 3-4. С. 113-124; М. фон Хаген. Повертаючися до історій України // Критика. 2007. № 6. http://krityka.kiev.ua/articles/s.5_6_2007.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.); Т. Zhurzhenko. The Myth of Two Ukraines. Eurozine. <http://www.eurozine.com/articles/2002-09-17-zhurzhenko-en.html> (Последнее посещение 21 января 2008 г.).

ментов и используемых мифологем. Но тема по вполне понятным политическим и экономическим причинам по-прежнему остается насущной, обращаясь к ней авторы привлекают новые или возрожденные старые исторические концепции, выводя дискуссию на более высокий уровень методологического синтеза.

Это особенно заметно на примере недавних публикаций в киевском журнале "Критика", издающемся при финансовой поддержке Гарвардского Института украинских исследований, а также ряда книг, вышедших в одноименном издательстве. Здесь наметились два историографических направления, которые стараются ужиться под одной украинской крышей: так называемые "исследования пограничья" (*borderland studies*), традиционно ассоциирующиеся с пионерскими работами Ф. Тернера, и анализ теорий национализма.² И в том, и в другом случае речь идет не только о том, где пролегает граница между Европой и Азией и какое место в этой "воображаемой географии" занимает современное украинское государство, но и о том, какие мифы способствуют формированию национальной идентичности.³ И тут немаловажную роль играют экскурсы в историописание и попытка

² Т. Гундорова. Український окциденталізм: бути чи не бути Римом? // Критика. 2006. №1-2. http://krtyvka.kiev.ua/articles/s.11_1-2_2006.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.); А. Каппелер. Україна між Сходом і Заходом // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 2. Харків, 1999. С. 6-9; Он же. Європа на схід від Європи? // Критика. 2003. № 4. http://krtyvka.kiev.ua/articles/s4_4_2003.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.); О. Бетлій. Перевинаядення Східної Європи // Критика. 2007. № 7-8. http://krtyvka.kiev.ua/articles/s.2_7_2007.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.); І. Чорновол. "Дике поле" і "Дикий Захід": Україна у світлі Тернерової тези // Критика. 2006. № 6. http://krtyvka.kiev.ua/articles/s.10_6_2006.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.); Он же. Фронтири Росії // Критика. 2007. № 6. http://krtyvka.kiev.ua/articles/s.6_6_2007.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.); N. Yakovenko. Early Modern Ukraine Between East and West: Projectories of an Idea // K. Matsuzato (Ed.). Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of "Regionology". Sapporo, 2000. Pp. 50-69. Украинская версия вышла в ее же сборнике: Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI-XVII ст. Київ, 2002. С. 333-365.

³ Систематическое исследование теорий нации и национализма в украинской историографии принадлежит Георгию Касьянову: Г. Касьянов. Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999. Среди наиболее цитируемых исследований в области "символической географии" Восточной и Юго-Восточной Европы можно назвать: Larry Wolff. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, Calif., 1994; Maria Todorova. Imagining the Balkans. New York, 1997; Iver B. Neumann. Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis, 1999. Peter H. Liotta. Imagining Europe: Symbolic Geography and the Future // Mediterranean Quarterly. 2005. Vol. 16. No. 3. Pp. 67-85.

оценить сложившиеся конфликты исторической памяти.⁴ Политологи, историки и культурологи стремятся переосмыслить роль географического фактора в украинском историческом нарративе, начиная с "Истории Русов" и заканчивая постсоветскими исследованиями. Особое внимание уделяется периоду национального возрождения конца XVIII – начала XIX века, а также украинской историографии межвоенного периода. Однако по-прежнему нет системного исследования, посвященного тому, как изменялось представление о роли географического фактора в украинской историографии.

Данная статья не заполняет этот пробел. Речь в ней пойдет лишь о коротком, но очень значимом периоде в становлении украинского исторического нарратива – о начале XX века, ознаменовавшегося реконцептуализацией украинской истории, что частично обусловило последующий политический "поворот вправо" (А. Мотыль).

Одна из наиболее заметных фигур того времени – историк, дипломат и политический деятель Степан Томашивський (1875-1930). В отличие от трудов других представителей т.н. "государственнической" исторической школы (В. Липинського, Д. Дорошенко), его творчество по-прежнему остается малоизученным. И это несмотря на то, что мало кто из современников отказывался признавать талант Томашивського-историка. Большинство тех, кто его знал и читал, высоко отзывались о его умении собирать и систематизировать источниковый материал и навыках концептуального анализа. Поэтому стоит еще раз внимательно присмотреться к научному наследию Томашивського.

Основной задачей данного исследования является изучение вклада Томашивського в формирование украинских национальных нарративов, конструирование мифов и символической географии. Таким образом, методологически работа лежит в области истории идей, ориентированной на историографию и историческую географию. В первой части статьи речь пойдет об историко-политической концепции Томашивського, вторая посвящена интеллектуальному контексту, в котором возникла его модель интерпретации украинской истории. Наконец, в третьей проанализированы современные модели функционирования исторических мифов в их соотношении с интеллектуальным дискурсом начала XX века.

⁴И. Требст. "Какой такой ковер?" Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: Попытка общего описания и категоризации // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 41-78; В. Їльге. Змагання жертв // Критика. 2006. № 5. http://krtyvka.kiev.ua/articles/s.7_5_2006.html (Последнее посещение 21 января 2008 г.). См. также бурную дискуссию по поводу этой статьи в: Критика. 2006. № 3.

Степан Томашиевский о "духе украинской истории" и "украинской географии"

Сначала небольшая биографическая справка: родился Томашиевский в селе Купновичи на Львовщине. После окончания гимназии в Самборе учился во Львовском университете, где получил звание доктора философии. Потом учительствовал в разных местных гимназиях, а накануне Первой мировой войны получил место доцента австрийской истории во Львовском университете. Еще в студенческие годы Томашиевский начал сотрудничать с Научным Товариществом им. Шевченко, работал в библиографическом отделе "Записок НТШ", был секретарем филологической секции и археографической комиссии. Вскоре он стал действительным членом общества и постоянным автором "Записок". Главой НТШ в это время был Михаил Грушевский, который считал Томашиевского одним из наиболее талантливых своих учеников. Однако через некоторое время между учителем и учеником назрел личный и профессиональный конфликт, который стал в конце концов одной из причин раскола внутри НТШ и ухода Грушевского с поста главы Товарищества. Немаловажную роль сыграли политические расхождения двух историков. Для Грушевского деятельность Украинской национально-демократической партии, членом которой был Томашиевский, фактически означала сотрудничество с польскими властями. После ухода Грушевского в 1913 году Томашиевский фактически возглавлял Товарищество на протяжении двух лет.⁵

С началом войны Томашиевский переезжает в Закарпатье. Начинается новый период его деятельности, в основном как дипломата и политика. Томашиевский был одним из организаторов стрелецкого движения, членом Боевой Управы и даже некоторое время исполняющим обязанности командира легиона УСС. Далее Томашиевский перебирается в Вену, где становится членом Общеукраинской Культурной Рады. В конце 1918 – начале 1919 гг. его выбирают делегатом Украинской Национальной Рады Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) для выполнения специальных поручений. Фактически он становится главным политическим советником правительства ЗУНР. Не-

⁵ О взаимоотношениях Томашиевского с Грушевским и других причинах конфликта в НТШ см. Л. Винар. Михайло Грушевський і Наукове Товариство ім. Шевченка, 1892–1934. Дрогобич, 2006; Н. Бортняк. Степан Томашиевський: до відносин з Михайлом Грушевським // Український історик (Нью-Йорк, Торонто, Київ, Львів, Мюнхен), 1996. № 1–4. С. 291–296; Я. Грицак. Конфлікт 1913 року в НТШ // Там же. 1991/1992. Т. 28–29. №. 3–4. С. 319–332.

сколько последующих лет были отданы дипломатической службе в Швейцарии, Франции и Англии. Томашиевский был советником делегации УНР и руководителем делегации ЗУНР на Парижской мирной конференции 1919–1921.

В 1920 году Томашиевский становится представителем правительства ЗУНР в Лондоне. Большинство окружавших его в тот период политиков делали ставку на независимость Украины при поддержке Антанты.⁶ Томашиевский же полагал, что подобные планы ни на чем не основаны, и считал необходимым бороться за автономию западно-украинских земель в составе Польского государства. Свои взгляды он отстаивал в письмах к Ллойд Джорджу и многочисленных статьях в английской прессе. Его консервативные политические убеждения и прогалицкая ориентация вызвали недовольство среди руководства ЗУНР.

В конце концов Томашиевский подал в отставку и в 1921 году переехал в Берлин, где вновь начал заниматься научной и публицистической деятельностью, сотрудничая с газетой "Украинское слово". Он также стал редактором еженедельника "Летопись политики, письменности и искусства". Вероятно, в Берлине Томашиевский познакомился с В. Липинским, который помог ему войти в окружение гетмана Скоропадского. Томашиевский публиковался в гетманских изданиях, читал лекции в Украинской экономической академии в Падебрадах в Чехии. Однако уже в 1925 году он возвращается во Львов, где работает учителем гимназии и редактирует журнал "Политика". Вскоре Томашиевскому удалось получить место доцента истории Краковского университета, где он проработал до конца жизни, не оставляя при этом политическую деятельность – он был членом головной управы Украинской христианской организации и соавтором концепции Украинской католической народной партии.⁷ И, конечно, продолжал писать исторические исследования.

⁶ О внешнеполитической деятельности ЗУНР см.: Torsten Wehrhahn. Die Westukrainische Volksrepublik. Zu den polnisch-ukrainischen Beziehungen und dem Problem der ukrainischen Staatlichkeit in den Jahren 1918 bis 1923. Berlin, 2004; Alexander J. Motyl. The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919–1929. New York, 1980. Ch. 3 ("Petrushevych and the Galicians"). Pp. 33–43.

⁷ Подробнее о жизненном пути и научной деятельности Томашиевского см.: Н. Бортняк. Наукова спадщина й громадсько-політична діяльність Степана Томашиевського: історіографія та джерела // Молода нація. 2000. № 4. С. 31–50; Она же. М. Швагуляк. Томашиевський Степан // Довідник з історії України. Т. 3. Київ, 1999. С. 341–342;

Томашиевский оставил после себя около 50 исторических трудов и больше двух сотен различных статей. Исследователи его творчества обращают внимание на то, что ученый прошел путь от приверженца "народнической" концепции Грушевского до "государственнической" школы Липинского и Дорошенко.⁸ Действительно, первая монография Томашиевского (вполне в духе Грушевского) была посвящена исследованию роли народных масс Галиции в восстании Хмельницкого.⁹ Более поздние работы, особенно после скандального разрыва с учителем, посвящены уже ранним формам государственных образований на Украине.¹⁰

И тем не менее формальная принадлежность к той или иной исторической школе еще не означала четкого размежевания "государственнических" и "народнических" исторических моделей. Самого лидера

Н. Халак. Наукова спадщина і громадсько-політична діяльність Степана Томашиєвського. Автореферат дисертації канд. іст. наук. Київ, 1999; Д. Дорошенко. Огляд української історіографії. Державна школа: історія, політологія, право. Київ, 1996. С. 195-197; І. Лисяк-Рудницький. Назарук і Липинський: історія їхньої дружби та конфлікту // І. Лисяк-Рудницький. Історичні есе. Київ, 1994. Т. 2. С. 173-245; В. Потульницький. Нариси з української політології (1819-1991). Київ, 1994; М. Швагуляк. Степан Томашиєвський і західноукраїнський консерватизм: від ідеологічного гурту до політичної партії // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1997. С. 309-337; А. Портнов. Степан Томашиєвський: біографічний нарис, концепція української історії. http://www.ukrterga.com.ua/teview/22/portnov_tomashiv.htm (Последнее посещение 21 января 2008 г.); С. Геллей. Степан Томашиєвський, про ідеї, героїв і політику // Український час (Львів). 1994. Ч. I. № 13. С. 54-59.

⁸ А. Портнов. Степан Томашиєвський.

⁹ С. Томашиєвський. Народні рухи в Галицькій Русі в 1648 р. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1898. Т. 23-24. С. 1-138; І. Гирич. "Народництво" та "державництво" в українській історіографії: проблема змістовного наповнення понять // Молода нація. Альманах. 2000. № 4. С.5-30.

¹⁰ Пожальуй, самые значимые из его исследований: "Володимир Антонович. Його діяльність на полі історичної науки" (1906), "Угорщина і Польща на початку 18 ст." (1908), "Перший похід Богдана Хмельницького в Галичину (два місяці української політики 1648 р.)" (1914), "Die West-politische Bedeutung Galiziens" (1915), "Галичина. Політико-історичний нарис з приводу світової війни" (1915), "Українська історія: нарис I. Стародавні і середні віки" (1919), "Бісмарк і Україна" (1924), "Петро – перший уніатський митрополит" (1928), "Десять літ українського питання в Польщі" (1929), "Вступ до історії Церкви в Україні" (1932). А також публікації источников: "Матеріали до історії Галичини," т. 1-3 (1889, 1901, 1913); "Матеріали до історії галицько-руського шкільництва 18-19 ст." (1900); "Ватиканські матеріали до історії України. Донесення римських нунцій про Україну 1648-1657 pp." (1919).

"народнической школы" меньше всего можно представить в виде противника украинской государственности. "Популизм" Грушевского исчерпывался акцентированием роли народных масс в историческом процессе. "Государственники" же уделяли основное внимание элитам как наиболее активной и способной к преобразованиям части общества. Кстати, тот же Томашиевский спустя несколько лет после разрыва с учителем обращался к украинским педагогам с призывом отказаться от идеи украинской государственности и сконцентрироваться на нациостроительстве.¹¹ По замечанию Сергея Плохия,

в эпоху распада империй и формирования национальных государств просто нельзя было игнорировать вопросы нации и государства, приобретшие особую важность.¹²

В случае Томашиевского "государственническая" позиция выразилась во внимании к роли политической и церковной верхушки в государственном строительстве. Помимо истории восстания Хмельницкого, Томашиевский известен также своими исследованиями истории Галицко-Вольнского княжества. Галиция была близка ему не только как место, где он родился, но и как территория, которая могла стать основой для превращения украинской народности в нацию. Для этого, с точки зрения Томашиевского, необходимо обратиться к корням политической независимости Украины, а именно к Галицко-Вольнскому княжеству, которое, в отличие от Киевской Руси, объединяло только украинские земли. Особое влияние на формирование исторической концепции Томашиевского оказали работы итальянских историков и социологов Г. Ферреро и Дж. Маццини, с которыми он познакомился в годы сотрудничества с политическим факультетом венского Института изучения культуры.¹³ Под их воздействием он пытался доказать "легитимность" притязаний Галиции на особое место в украинской и всемирной истории. Галицко-Вольнское княжество виделось ему носителем украинских державных традиций. Вот что пишет об этом Томашиевский в своем единственном систематическом изложении истории Украины:

¹¹ Письмо С. Томашиевского от 29 июля 1922. Цит. по: Serhii Plokhyy. Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Buffalo, New York, 2005. P. 331.

¹² Idem. С. 340. См. также І. Гирич. "Народництво" та "державництво".

¹³ В. Потульницький. Українська та світова історична наука // Український історичний журнал. 2000. № 3. С. 25. См. там же о других возможных западноевропейских источниках политической и исторической концепции Томашиевского (Шпенглер, Тойнби, Михельс). С. 27-28.

Историческое значение Романа (Мстиславовича, 1172(?)-1205. – Л.Б.), "самодержца и царя всея Руси", огромное. Он был творцом первой национальной украинской державы, в основе которой лежала Галиция, первая украинская земля, которая отделилась от общерусской державы... Таким образом давнее русское государство распалось на две части, которые стали основой для двух отдельных народностей. Очевидно, что это было связано с полным упадком Киева, который... стал переходным пространством, на котором столкнулись влияния двух новых центров, Галича и Суздаля. Киев не был в состоянии выполнить свою кардинальную задачу – захват украинских лугов и степей, поэтому должен был уступить место другим. Действительно, только с Галиции и Волыни могла начаться офензива на восток...¹⁴

Оставим в стороне объективность и историческую корректность такого взгляда на средневековую историю Украины, тем более что еще при жизни Томашиевского критиковали медиевисты (В. Заикин),¹⁵ а не так давно – и современные украинские историки (В. Рычка).¹⁶ Важна не только идея преемственности украинского государства и апологизация Галиции. Ключевым в концепции Томашиевского является его видение основных геополитических задач независимой Украины. "Степь", – так обозначил он зону колонизации, жизненно необходимую для государственного суверенитета. Для Томашиевского географический фактор играл определяющую роль в судьбах Украины. Можно даже сказать, что географический фактор – одно из ключевых понятий в его исторической концепции. Поэтому остановлюсь на этом моменте подробнее.

Неизвестно, был ли Томашиевский знаком с концепцией Ф. Тернера.¹⁷ Однако его идея восточной колонизации как движения, противо-

¹⁴ С. Томашиевский. Українська історія: нарис І. Стародавні і середні віки. Мюнхен, 1948. С. 82-83.

¹⁵ В. Заикин не соглашался со взглядами Томашиевского на Киевскую Русь как универсальную монархию и с тезисом о единстве славян в IX-XII веках. А. Портнов. Степан Томашиевский.

¹⁶ В. Рычка опровергает утверждение Томашиевского о преемственности киевской традиции в государственном устройстве и символике Галицко-Волынского княжества. В. Рычка. "Київ – другий Єрусалим" (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005. С. 213-237. См. также мою рецензию на книгу В. Рычки в: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. Bd. 4. S. 590-591.

¹⁷ Хотя на этот вопрос утвердительно отвечает один из львовских журналистов: "Школа Грушевського: Степан Томашиевський" // Львівська газета. 15.12.2006. № 60.

стоящего разработке уже заселенных территорий (Томашиевский называет их "культурно-лесовой полосой") и определявшего исторические процессы на всех украинских землях, действительно во многом перекликается с известными тезисами американского ученого. Но Томашиевский обращает внимание и на другие географические детерминанты, определяющие, по его выражению, "дух украинской истории". Это не только черноморское побережье, которое является "географической, политической и экономической основой этой земли",¹⁸ но и два соседних государства, Польша и Россия, чье влияние обуславливает судьбы Украины.

Степь, Польша, Московщина – это треугольник историческо-политического развития Украины, и ценность его не только историческая, но и современная, а в длительной перспективе и будущая... В понимании вышеупомянутых ведущих идей лежит... мерило ценности украинской истории. Все, что шло по линии этих идей, – было позитивным, творческим, полезным; все противное – негативным, деструктивным и вредным. Добывание земель, ...создание особой национально-культурной индивидуальности и завоевание политической самостоятельности – это ориентиры для историка...¹⁹

Итак, треугольник. Замечу, что у Томашиевского он отнюдь не равнобедренный. Если основной вектор внутри этой геометрической фигуры направлен на восток, в степную зону, то отрезки "Степь-Польша" и "Степь-Россия" оказываются более протяженными и поэтому более напряженными. Отсюда Томашиевский выводит еще две основные историко-географические идеи Украины: "политико-культурное противоречие между Востоком и Западом", наиболее ярко выразившееся в "борьбе между народностью польской и украинской", и "политико-экономический контраст между Севером и Югом", т.е. между Украиной и Россией, которые разделяют "расовые и культурные особенности".²⁰

Интересно, что различаются между собой не только отрезки символического "треугольника". Также и вершины, расположенные по углам, имеют неодинаковую величину. Исследователь, особенно в по-

<http://www.gazeta.lviv.ua/articles/2006/12/15/20405/> (Последнее посещение 21 января 2008 г.).

¹⁸ С. Томашиевский. Українська історія: нарис І. С. 2.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ Там же. С.11.

здних своих произведениях, приписывает российскому влиянию на историческое развитие Украины исключительно негативные черты.²¹ По его мнению, начало упадка украинской культуры связано с принятием Киевской Русью православия от Византии. Спустя несколько столетий именно восточное христианство стало основой сближения между Россией и Украиной, ослабив, таким образом, национальный потенциал последней.

Один из современных украинских политологов вполне обоснованно назвал Томашиевского "экстремальным западником".²² Томашиевский не только видел негативные черты в конфессиональной близости России и Украины, но и превозносил западное христианство. Он наделял последнее способностью сохранять элементы классической цивилизации, на основе которых сформировалось западноевропейское культурное сообщество, где Галиция в конечном итоге нашла свое историческое место.²³ Недаром в своих политических высказываниях Томашиевский ратовал за автономию Галиции в составе Польского государства.²⁴ С его точки зрения, именно православие на Надднепринской Украине мешало сохранению "украинского духа", необходимого для воссоздания единого независимого государства. Таким образом, в это понятие Томашиевский включал не только державность Украины, прозападную ориентацию и политико-географические противоречия ("треугольник"), но и греко-католическую церковь.

Историческим судьбам церкви на Украине Томашиевский посвятил несколько исследований. По его собственному признанию, они должны были доказать, что

идея унии — это не какая-то причуда украинской истории..., наоборот, ... идея унии неразрывно связана с направлением и духом самой украинской истории, даже с самой национальной идеей нашего народа. ...Итак, апология унии? Если изображение правды можно назвать ее защитой, то я не имею ничего против такой характеристики...²⁵

²¹ Он же. Галичина. Львів, 1915; Он же. Історія і політика // Хліборобська Україна. Відень. 1921. № 5/6. С. 167-169; Он же. Влада і культура // Там же. № 6/7. С. 309-310; Он же. Під колесами історії. Берлін, 1922. С. 26, 30, 42-45, 74-76.

²² В. Потульницький. Нариси. С. 205.

²³ С. Томашиевський. Про ідеї, героїв і політику. Львів, 1929. С. 63.

²⁴ Он же. Драгоманов і Галичина // Політика. 1925. 10-25 грудня. С. 83-84; В. Потульницький. Нариси. С. 204-205.

²⁵ С. Томашиевський. Вступ до історії церкви на Україні. Ч. 1 // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів, 2001. Число 3. С. 4.

В рассуждениях и оценках Томашиевского на тему религиозной истории очевидно много полемических аргументов. Кстати, некоторые из них встречаются уже в сочинениях униатских богословов конца XVI-XVII веков (опровержение легенды о хождении апостола Андрея в Киевскую землю, идея зараженного ересями византийского православия и т.д.).²⁶ В этом контексте принятие князем Владимиром восточного христианства представлено у Томашиевского как фатальная ошибка, не только лишившая Русь доступа к апостольской традиции, но и ставшая причиной исторических поражений.

Этим поясняется, почему на Востоке политические катастрофы правильно становятся катастрофами церковными, религиозными и национальными; почему с упадком опекающих их государств Церкви идут на службу к завоевателям...²⁷

Примечательны, однако, не только конфессионально окрашенная терминология и логика доказательств, но и попытка вписать историю церкви в схему межцивилизационных противоречий. Когда речь идет о религии, ученый отходит от своей троичной схемы влияний и заимствований, от того самого "украинского географического треугольника". В силу вступает другая модель, где есть только две стороны: Восток (Византия/Московия/православие) и Запад (Рим/Польша/католицизм). Интересно, что именно Галиция стоит между этими полюсами, поскольку греко-католическая церковь тоже находится между православием и католицизмом. Таким образом, церковь у Томашиевского воплощает в себе особый посреднический культурный тип, возникший в результате заключения Брестской унии. Этот тип византийский по форме, но римский по содержанию. Томашиевский утверждал, что только греко-католическая конфессия открыла Украине доступ к западной культуре и

сохранила западно-русские окраины от потери народности... На всех остальных землях древней Руси право донациональной церкви может иметь только одна — униатская.²⁸

²⁶ Один из наиболее ярких примеров такого рода — полемический трактат троцкого архимандрита Льва Кревзы "Оборона церковной унии" (1617), переизданный в серии Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. 3. Lev Krevza's Obrona Jedności cerkiewney; and Zaharija Kopystens'kyj's Palinodija. Cambridge, MA, 1987. Ср. аргументы Томашиевского в: Вступ до історії церкви. Ч. 1 // Ковчег. С. 4-14, 40-42.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ С. Томашиевський. Про ідеї. С. 52.

Политико-географические противоречия, государственная идея и украинская церковь лежали в основе исторической концепции Томашивського. Она нашла критиков и приверженцев не только в профессиональной среде историков, но и в более широких кругах украинской интеллигенции.

Предшественники, единомышленники и оппоненты

Возникает вопрос, почему все-таки Томашивський, особенно в послевоенных политических и исторических сочинениях, становится пропагандистом некой галицкой и греко-католической исключительности? Что больше повлияло на такого рода трансформацию – личный научный и политический опыт, творческое наследие предшественников и соратников или общий дух эпохи? Иными словами, повлиял ли Томашивський-политик на Томашивського-историка или наоборот?

Однозначного ответа на эти вопросы нет. Наверное, можно говорить о целом комплексе причин. Распад Австро-Венгерской империи и возникновение Польской республики как национального государства, разочарование в способностях украинской элиты создать независимое государство и разнообразие политических ориентаций в эмигрантских кругах – вот только несколько возможных историко-политических объяснений. Наверное, они во многом определили и область научных интересов Томашивського. Можно предположить, что обстоятельства возникновения отдельных государств на руинах многонациональных империй внесли коррективы в сферу исторических исследований ученого. На смену анализу восстания Хмельницкого, вспыхнувшего в Польско-Литовском государстве, в его творчестве приходят исследования средневекового Галицко-Волынского княжества, которое не входило в состав никакого государственного образования.

О настроениях в среде некоторых соратников Томашивського по консервативному лагерю эмиграции лучше всего свидетельствуют высказывания Осипа Назарука, который однажды заявил, что галичане – это отдельная нация, не схожая с восточными украинцами.²⁹ Среди других галицких историков-консерваторов, разделявших взгляды Томашивського касательно негативного влияния православной традиции на исторические судьбы Украины, можно назвать Ивана Крипяке-

²⁹ Цит. по Alexander J. Motyl. *The Turn to the Right*. P. 38.

вича, Ивана Кревецкого, Теофила Кострубу.³⁰ Конечно, у Томашивського-политика были не только соратники, но и противники. Последних можно найти как в консервативном лагере (национал-государственники Днистрьянский, Старосольский с идеей независимой галицкой державы), так и среди федералистов (Драгоманов, Грушевский, позже евразийцы). Ни с теми, ни с другими Томашивський не находил общего языка. Особенно остро он критиковал послевоенные попытки "евроазиатов" объединить судьбы "земли Ростиславовичей и Мстиславовичей, Романа и Даниила – этих типичных европейцев – ... с наследием Чингисхана, Батгя и Золотой Орды".³¹

Наверное, Томашивського-политика нельзя отделить от Томашивського-историка. Как, впрочем, это справедливо и для большинства его соратников и оппонентов. В политизации интеллектуальной жизни, наверное, заключался неуловимый "дух эпохи". Другой его составляющей было внимание к географическому фактору. Но тут приоритеты несколько смещались от политики в сторону интеллектуальных конструкций. Томашивський-историк, безусловно, унаследовал внимание к геополитическому фактору в изложении истории Украины от своих знаменитых предшественников. Михаил Драгоманов, к примеру, писал:

Без южных берегов Черного моря Украина невозможна как культурный край. Мы владели этими берегами и во времена угличей, тиверцев и Тьмутараканской Руси; мы отбили их вновь перед нападением турок в XV веке и должны были так или иначе их отвоевывать потом. Только силами казаков, под Польшей, нам не

³⁰ Volodymyr Potul'nyts'kyi. *Galician Identity in Ukrainian Thought* // Ch. M. Hann, P. R. Magocsi (Eds.). *Galicia: A Multicultural Land*. Toronto, 2005. P. 91. Эти истории выступали также с антироссийскими декларациями. Он же. *The Image of Russia and the Russians in Ukrainian Political Thought (1860-1945)* // *Acta Slavica Iaponica*. 1998. Vol. 16. Pp. 1-29.

³¹ С. Томашивський. Драгоманов. С. 83-84. О разочаровании в способности украинских политиков-эмигрантов достичь единства свидетельствует, к примеру, такое высказывание Томашивського: "Видите, даже земля, эта на протяжении тысячелетий умытая кровью и потом земля, не играет особой роли в этих недоносках, которых неизвестно почему называют национальной идеей. Кроме монархистов-гетманцев, все остальные украинские партии отказались... от Западной Украины, не говоря уже о Бессарабии и Крыма. Галичане же... разделены: одни не только отказались от соборной [Украины. – Л.Б.], но и тех украинских земель, которые вместе с Галицией разделяют ее тяжкую долю; а другие – другие служат до сих пор лакеями... у тех, кто торговал их землей". С. Томашивський. Під колесами. С. 8-9.

Л. Бережная, "Украинский треугольник" Степана Томашивського...

удалось это сделать, поэтому должны были это сделать под московскими царями.³²

У Грушевского эти идеи нашли наиболее концептуальное выражение, поскольку с его точки зрения "народность и территория" были теми великими творческими силами, которые составляли "основу для развития исторической жизни".³³ Лидер "народнической" школы рассматривал границы Украины как некое поле битвы между соседними народами, выделяя при этом два основных "фронта" – восточный (с "азиатскими ордами") и западный (с более миролюбивой Европой).³⁴

Очевидно, что "географический треугольник" Томашивського во многом перекликается с историософскими теориями Грушевского. Для обоих характерны рассуждения на тему степной зоны – области многовековой украинской колонизации, а также о противоборстве "лесной стороны" и восточных земель. Но Томашивський-ученик не только развил концепцию учителя, но и во многом изменил ее. К примеру, в его текстах нет упоминаний о "фатальной роли" степной полосы в судьбах украинского народа. Он не рассматривал колонизацию и оборону восточных границ как некую "неизбежную повинность", которая "на протяжении веков забирает энергию народа, его высших слоев и правительств".³⁵ И уж тем более Томашивський далек от приговора, вынесенного Грушевским украинской географии:

Роскошные просторы, которые выпали на долю украинского народа в его исторической жизни, эти текущие медом и молоком края, которые были предметом зависти соседей, этот "тихий рай" украинской природы... – не принесли счастья. Географические

³² М. Драгоманов. Листи на Наддніпрянську Україну. Літературно-публіцистичні праці. В 2-х тт. Київ, 1970. Т. 1. С. 444. См. подробнее на эту тему: Українська державність у ХХ столітті (Історико-політологічний аналіз). Київ, 1996. Раздел 5: "Геополітична складова державницької думки" (О. Солтановський).

³³ М. Грушевський. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. 1. С. 8. Недавно этой проблеме посвятила статью известный украинский медиевист Наталя Яковенко: N. Yakovenko. Early Modern Ukraine Between East and West.

³⁴ М. Грушевський. Історія України-Руси. С. 11-14. Виктор Брехуненко называет такую расстановку приоритетов в украинской историографии XIX века "пограничным дискурсом" в духе доктрины Ф. Тернера. По мнению украинского историка, интерес к этой тематике в то время связан с поисками корней украинского козачества. В. Брехуненко. Типологія Степового Кордону Європи і перспектива дослідження історії східноєвропейських козацтв // Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI-XVIII століть. Київ, 2006. Вип. 6. С. 456-457.

³⁵ М. Грушевський. Історія України-Руси. С. 15.

признаки края и вытекающие отсюда отношения с соседями фатально отразились на... исторической судьбе украинского народа...³⁶

Помимо разницы в оценке географического фактора, Томашивський и Грушевський не имели также единого мнения о роли Галицко-Вольнского княжества в украинской истории. Если для первого это образование было образцом национального государства, то, по мнению второго, Галиция – западная окраина коренной территории – потенциально не была способна сплотить вокруг себя другие украинские земли.

Критики концепции Томашивського нашлись не только среди бывших соратников по "народнической" школе, но и между представителями "государственнического" направления, к которому принадлежал ученый.

С Вячеславом Липинським Томашивського связывали непростые отношения. Очевидно, что между ними существовали серьезные психологические противоречия (Томашивському вообще мало с кем из коллег удавалось наладить длительный контакт). Об этом Липинський упоминает в письмах к Осипу Назаруку и Дмитрию Донцову.³⁷ Кроме того, Липинський был абсолютно не согласен с оценкой Томашивським Галицко-Вольнского княжества. Сам он считал, что первым государственным образованием на территории Украины была держава Богдана Хмельницкого.³⁸ Его исторические исследования огра-

³⁶ Там же. С. 15-16.

³⁷ Письмо от 09.07.1929. И. Лысяк-Рудницький предполагает, что конфликт между Липинським и Томашивським, разгоревшийся в 1925-1927 годах, был связан с деятельностью Украинского научного института в Берлине. Вячеслав Липинський. Архів. Том 7. Листи Осипа Назарука до Вячеслава Липинського / Ред. І. Лысяк-Рудницький. Вступ. Філадельфія, 1976. С. LXXVI-LXXIX; С. Kumke. Das Ukrainische Wissenschaftliche Institut in Berlin zwischen Politik und Wissenschaft // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. Bd. 43. S. 218-253. См. также переписку Липинського с Донцовым в: В. Липинський. Повне зібрання творів, архів, студії. Листування. Том 1 (А-Ж). Київ, Філадельфія, 2003. С. 632-633, 637, 737-738.

³⁸ Наиболее полно взгляды Липинського на роль державы Хмельницкого в украинской истории сформулированы в: Україна на переломі (1657-1659). Замітки до історії українського державного будівництва у XVII сторіччі. Відень, 1920; Z dziejów Ukrainy. Kraków, 1912; Stanisław Michał Krzyczewski: Z dziejów walki szlachty ukraińskiej w szeregach powstańczych pod wodzą Bohdana Chmielnickiego // Z dziejów Ukrainy. Pp. 157-328 (недавно переиздано в украинском переводе в: L. R. Bilas (Ed.). Участь шляхти у великому українському повстанні під приводом Гетьмана Богдана Хмельницкого. Philadelphia, 1980; Ю. Вільчинський. Вячеслав

Л. Бережная, "Украинский треугольник" Степана Томашиевского...

ничивались этим периодом, а деятельность окружения гетмана и шляхты того времени он оценивал в основном в контексте создания украинских государственных структур.³⁹

В одном из писем в редакцию еженедельной газеты "Дело" Липинский остро критиковал Томашиевского за излишний клерикализм, ориентацию на Галицию и недооценку исторической роли Хмельницкого:

Когда речь идет об исторических героях, то таким героем для всех украинцев, в первую очередь, является Богдан Хмельницкий. От него начинается все современное украинство. Без него невозможно даже представить современные украинские государственные притязания. Этот взгляд отстаивал в конце концов и г. Томашиевский в своих довоенных исторических работах. Но теперь... Хмельницкий для него – "вредитель на церковной ниве"... Видимо, во имя принципа, что хорошим является только то, что приносит пользу и удовлетворение, культ Хмельницкого был полезен при австрийцах и стал очень вредным в современной Галиции.⁴⁰

Позицию Липинского, безусловно, разделял и другой основатель "государственнической" школы, Дмитрий Дорошенко.⁴¹ Обоим была чужда враждебность Томашиевского по отношению к России, поскольку они не видели в православии той деструктивной силы, которая мешала целостности украинского государства. Вообще Липинский в знаменитых "Письмах братьям-хлеборобам" (1926 г.) выступал с иде-

Липинський – до української нації через українську державу // В. Липинський: історико-політологічна спадщина і сучасна Україна. Київ, Philadelphia, 1994. С. 91-97. См. также Д. Д. Дорошенко. Огляд української історіографії. С. 210-212; В. Цибульський. Держава Богдана Хмельницького і Переяславська Угода в працях Вячеслава Липинського. <http://www.ukrterra.com.ua/review/1/cybulskij.htm>.

³⁹ Zenon E. Kohut. The Development of a Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // Thomas Sanders (Ed.). *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. Armonk, NY, 1999. Pp. 453-477. Цит. по украинскому изданию З. Когут. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. С. 211. О политических и историсофских взглядах Липинского см. также сборник статей: Jaroslav Pelenski (Ed.). *The Political and Social Ideas of Vjacheslav Lypyn's'kyj* // Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. IX. No. 3/4. Особенно статьи: Omeljan Pritsak. V. Lypyn's'kyj's Place in Ukrainian Intellectual History. Pp. 245-263; Lew R. Bilas. The Intellectual Development of V. Lypyn's'kyj: His World View and Political Activity before World War I. Pp. 263-286.

⁴⁰ В. Липинський. Повне зібрання. С. 446.

⁴¹ Д. Дорошенко. Нарис історії України. Київ, 1992. Том II (Від половини XVII століття), особливо раздел 6.

ей украинско-российско-белорусского военного и экономического союза при сохранении политической и культурной самостоятельности "каждой Руси".⁴² Основой для такого объединения он считал как тактические цели, реализация которых необходима для достижения независимости Украины после поражения в ходе революционных событий 1917-1921 годов, так и стратегические задачи, вытекающие из географического положения украинских земель.

Именно Липинский, как известно, был автором ставшего позже чрезвычайно популярным тезиса об Украине как цивилизационном пограничье "между Востоком и Западом". Он сформулировал его в работе, посвященной судьбам церкви на Украине. Для Липинского взаимодействие Востока и Запада выражалось, в первую очередь, в сфере религии, но также и в обеих культурах, в системах мировоззрений и понятий, на цивилизационном уровне:

В этом стремлении... к единству лежит наше призвание, ...духовный смысл нашего национального существования, его пульс, ритм и динамика... Без этой гармонии наш народ пропадает... Пропадаем за невыполнение задания, которое дано только нам, поскольку обе наши соседки захватывают нас в моменты нашей душевной слабости – одна в своей восточно-православной, а другая в... западно-католической исключительности.⁴³

Как видим, на смену "географическому треугольнику" Томашиевского здесь приходит биполярная модель, в которой оба центра уравновешены. Безусловно, концепция Липинского во многом перекликается с идеей Томашиевского о Галиции и униатской церкви, находящихся между двумя полюсами. Проблема того, насколько взгляды Липинского и Томашиевского были результатом взаимного влияния, требует специального изучения.⁴⁴ Разница же заключается в том, что

⁴² В. Липинський. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. Wien, 1926. С. 375-376; 387-388; 391. См. также К. Галушко. Вячеслав Липинський как исследователь украинско-российских взаимоотношений // РОССИЯ – УКРАИНА: история взаимоотношений. Москва, 1997. С. 229-236.

⁴³ В. Липинський. Релігія і Церква в історії України. Філадельфія, 1925. Цит. по польскому изданию W. Pilipowicz, S. Stepień (Red.). *Wacław Lipiński, Religia i Kościół w dziejach Ukrainy*. Przemyśl, 1999. Pp. 82-84. См. Н. Яковенко. Кілька спостережень. С. 336-337. Яковенко обращает внимание на то, что формула, предложенная Липинским и недавно возрожденная в работах Ярослава Дашкевича, была очень популярна и в эмигрантской среде (И. Мирчук, И. Лысяк-Рудныцкий, И. Шевченко). Там же.

⁴⁴ На эту проблему несколько лет назад обратил внимание канадский историк Зенон Когут: З. Когут. Коріння ідентичності. С. 214. Сн. 48.

последняя модель композиционно более сложная. С точки зрения Томашивського, объектом множественных западных (в том числе литовских, польских и венгерских) и восточных (византийских) влияний исторически были только Галицкие земли. Надднепрянская же Украина не вписывалась в эту бинарную модель, поскольку на ее судьбу кардинально повлияли татаро-монгольское нашествие и конфессиональная общность с Россией.⁴⁵ Таким образом, возникал тот самый треугольник, который не встраивался в линейную модель Липинського.

Интересно, что спустя десять лет бинарная схема обрела новую форму в сочинениях националиста Юрия Лыпы. Он считал, что не линия "Запад-Восток", а ось "Север-Юг" определяет судьбы украинской истории. При этом основными географическими координатами выступают украинские реки, вдоль которых проходят основные миграционные потоки.⁴⁶

Кажется, что Томашивський со своей идеей "украинского треугольника" должен был чувствовать себя изолированным в украинской академической среде того времени. Однако это не совсем так. За два года до публикации сочинения Липинського "Религия и церковь на Украине" (1925) выходит "Обзор национальной территории Украины".⁴⁷ Хотя автор, Степан Рудницький, был не историком, а географом, его вполне можно причислить к единомышленникам Томашивського. С сочинениями Томашивського его труды сближает представление об Украине как о зоне на пересечении трех цивилизаций. Вероятно, под влиянием немецкой геополитической школы Ф. Ратцеля Рудницький со-

здает концепцию влияния геоморфологических, климатических и территориальных факторов на украинскую историю.⁴⁸ Он видит зависимость между географическим положением Украины на перекрестке трех миров – европейского, восточно-исламского и кочевого-азиатского – и ее судьбами.

Тут пересекаются между собой расы, культурные круги, народы. Украина – это не только пограничная страна, но также страна границ.⁴⁹

Опять треугольник? У Рудницького, в отличие от Томашивського, он представляет собой большую геометрическую фигуру, внутрь которой вписан еще один трехчастный элемент – Украина в ее взаимоотношениях с Западом (Польшей) и Востоком (Россией). Украинский ученый считал, что его родина отличается от соседних государств не только географическими критериями, но и политическими традициями. Если Польше присуща аристократическая форма правления, Россию отличает деспотия, то Украина – это демократическое начало. Аналогичные высказывания встречались и раньше ("Книга Бытия украинского народа" Н. Костомарова), они были популярны и позже (Д. Донцов). Интересны, однако, рассуждения Рудницького о запорожских казаках как украинском народе, носителе свободного духа, "Пьемонте независимости всей Украины". Он считает, что украинских казаков нельзя сравнивать ни с австрийско-венгерскими граничарами, ни с волжскими, донскими и уральскими казаками, которые лишь выполняли функцию забрала европейской культуры на границе с османами.⁵⁰

Таким образом, взгляды Рудницького, хотя внешне и напоминают концепцию Томашивського, различаются в оценках роли степных территорий и казачества. Кроме того, в отличие от Томашивського, Рудницький не был ни западником, ни апологетом Галиции (несмотря на то, что родился в Перемышльском районе). В его сочинениях много

⁴⁵ Volodymyr Potul'nyts'kyi. Galician Identity. Pp. 91.

⁴⁶ Ю. Липа. Призначення України. Львів, 1938. Цит. по изданию Ю. Липа. Призначення України. Київ, 1997. С. 48; В. Брехуненко. Типологія Степового Кордону. С. 457. В религиозном вопросе концепция Лыпы также в корне отличается от позиции Томашивського. Для Лыпы церковь вообще не играет значимой роли в процессе создания украинского государства. При этом Киев у него выступает как символический центр, "Вечный Город", "Город-Воин", "Город-Апостол". Ю. Липа. Призначення України. С. 182-186. О творчестве Ю. Лыпы см. Збірник статей і матеріалів, приурочених 100-літньому ювілею з дня народження Юрія Липи. Івано-Франківськ, 2000; Юрій Липа: голос доби і чину. Львів, 2001; Творчість Юрія Липи в культурно-історичному контексті ХХ століття. Матеріали всеукраїнської наукової конференції. Одеса, 27-28 квітня 2000. Одеса, 2000.

⁴⁷ С. Рудницький. Огляд національної території України. Берлін, 1923. Современное переиздание в: С. Рудницький. Чому ми хочемо самостійної України? / Упор., передм. О. І. Шаблія. Львів, 1994. С. 209-270; Среди других известных работ Рудницького: Stephan Rudnyc'kyj. Ukraina. Land und Volk: eine gemeinfassliche Landeskunde. Wien, 1916.

⁴⁸ Н. Яковенко. Паралельний світ. С. 335-336; Friedrich Ratzel. Die politischen Probleme des Weltkrieges. Leipzig, 1918. О других возможных источниках концепции Рудницького см.: М. Дністрянський. Праці С. Рудницького і Ю. Липи в контексті Європейської політико-географічної думки // Історія української географії. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. Тернопіль, 2000. Вип. 2. С. 73-77; О. Шаблія. Академік Степан Рудницький. Львів, 1999.

⁴⁹ С. Рудницький. Українська справа зі становища політичної географії // С. Рудницький. Чому ми хочемо самостійної України? С. 115-116; Україна просторова в концепційному окресленні Степана Рудницького. Київ, 2003.

⁵⁰ Stephan Rudnyc'kyj. Ukraina. Pp. 208-210, 238.

Л. Бережная, "Украинский треугольник" Степана Томашивського...

очевидной политической помпезной риторике, направленной против России,⁵¹ но нет воспеания Запада или Галиции как его местной разновидности.⁵² В какой-то степени его рассуждения близки точке зрения Липинського и Дорошенко, которые видели в казацкой державе модель украинской государственности. Но в случае Рудницького речь идет, к тому же, о противопоставлении двух мифов, мифа происхождения ("казацкого мифа") мифу *antemurale christianitatis*, которым суждена была долгая жизнь в украинском интеллектуальном дискурсе.

О мифах в истории, или почему 3 не равняется 2

Несколько лет назад английский историк Эндрю Вильсон опубликовал статью о различных категориях мифов в современном украинском и белорусском общественном сознании.⁵³ Еще раньше аналогичную попытку предпринял Джон Армстронг.⁵⁴ Обоих ученых интересовал вопрос, как мифы, символы и средства коммуникации определяют формы национального самосознания. Вильсон предложил разделить исторические мифы на несколько групп в соответствии с их функцией. Всего он насчитал восемь таких категорий: мифы происхождения, мифы основания, мифы наследия, мифы о национальном характере и об образе "другого", мифы об империи и колониализме, мифы о сопротивлении и возрождении, мифы о зарубежной интриге, мифы об общих усилиях (*joint endeavour*). Классификация Вильсона

⁵¹ "Мировое политическое значение Украины состоит в том, что она своей огромной и растянутой территорией останавливала бы экспансию России в направлении Адриатического и Эгейского морей, Ближнего Востока и Египта и препятствовала бы экспансии в Индию". С. Рудницький. Чому ми хочемо самостійної України? С. 294.

⁵² "У нас появился плохой обычай противопоставлять Галицию, как Надднепрянскую, или Западную Украину, Надднепровской Украине. Для географа он просто смешной. Диспропорция величин этих двух частей соборной Украины слишком велика". Там же. С. 210.

⁵³ Andrew Wilson. National History and National Identity in Ukraine and Belarus // G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, and E. Allworth. Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. Cambridge & New York, 1998. Pp. 23-47.

⁵⁴ John Armstrong. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; Idem. Myth and History in the Evolution of Ukrainian Consciousness // P. J. Potichnyj, M. Raeff, J. Peleniski, G. Zekulin (Eds.). Ukraine and Russia in Their Historical Encounter. Edmonton, 1992. Pp. 125-139. См. также сборник статей Pål Kolstø (Ed.). Myths and Boundaries in South-Eastern Europe. London, 2005 (особенно введение "Assessing the Role of Historical Myths in Modern Society" с прилагаемой библиографией).

охватывает мифы, которые укоренены в современном общественном сознании, его источниковая база – украинская и белорусская историография последних десятилетий. Но часто в основе этих мифов лежат исторические концепции, сформулированные в середине XIX – начале XX веков. Именно тогда, на первом и втором этапах становления национального движения (согласно теории М. Хроха),⁵⁵ были выработаны механизмы политической инструментализации мифов.⁵⁶ Неслучайно именно Липинський впервые в украинской историографии использовал понятие "исторической легенды (мифа)" для легитимации политических проектов.⁵⁷

Какую роль в этом процессе сыграла историческая концепция Томашивського и в какую из категорий мифов попадают его интерпретации прошлого? Томашивський, бесспорно, государственный, поэтому его взгляды и исторические интерпретации относятся, по Вильсону, к общей категории украинофильских мифов. Внутри этой группы находятся мифы, отстаивающие преемственность украинской государственности (будь то Киевская Русь, Галицко-Волынское княжество или держава Хмельницкого). Это так называемые мифы происхождения (*sui generis*), которые нацелены против традиционного российского исторического нарратива с его концепцией единого древнерусского народа.

В частности, идеи Томашивського воспроизводят миф о "золотом веке", экстраполируя его на Галицко-Волынскую державу как символ культурного и политического единства украинцев. Кроме того, типичный для Томашивського антирусизм служит основой для формулировки мифа об образе "другого", который является обратной стороной мифа о национальном характере. Здесь возникает некоторое противоречие, известное большинству исследователей исторических мифологем. Дело в том, что упомянутый миф о национальном характере по сути своей противопоставит мифу *antemurale christianitatis*, постулирующему

⁵⁵ Miroslav Hroch. Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1985; Idem. Real and Constructed: the Nature of the Nation // J. S. Hall (Ed.). The State of the Nation. Cambridge, 1998. Pp. 91-106.

⁵⁶ Более подробно на это тему см. Н. Яковенко. Кілька спостережень.

⁵⁷ К. Галушко. Вячеслав Липинський как исследователь С. 230-231; Он же. "Державницька школа" української історіографії як підмур'я консервативного політичного проекту // Історія і історіографія в Європі. Вип. 3: Історична наука як засіб політичної легітимзації в Німеччині та в Україні у XX столітті. Київ, 2004. С. 35-46.

Л. Бережная, "Украинский треугольник" Степана Томашивського...

идею включения определенной этнической группы в состав более крупного и предположительно культурно более развитого сообщества.

У Томашивського, как это нередко случалось с идеологами национального движения, эти два мифа не противоречат друг другу. Стремление к церковной унии и подверженность различным влияниям извне ("географический треугольник") сочетается у него с прозападной ориентацией и приписыванием Галиции общеевропейских черт. Конечно, Томашивського сложно назвать пропагандистом идеологии *antemurale*. Он не использовал терминов вроде "носители истинной цивилизации", "последний оплот Европы" и т.д. Но сама идея принадлежности Украины западноевропейскому сообществу, постулируемая Томашивським как оппозиция византийско-православному Востоку, остается одним из компонентов мифа о "бастионе". Удивительно, но факт: для Томашивського этот конфликт мифологем не являлся методологической проблемой. Наверное, противоречие здесь снимается, если учесть методы политизации исторических мифов, когда противоположные концепции одновременно дополняют друг друга. Идея уникальности украинского характера обосновывала претензии на политическую независимость. А оппозиция России и прозападная ориентация были аргументами в поисках поддержки извне.⁵⁸

Замечу, что Рудныцкий, в отличие от Томашивського, сознательно противопоставлял друг другу эти два мифа. Для него нациообразующим был "казацкий миф" об уникальном свободолюбивом характере украинского народа. Свободолюбие казачества сформировалось при условиях сосуществования и конфронтации с восточными соседями, т.е. со Степью. Однако и с позицией Рудныцкого тоже не все так однозначно. Проблема в том, что одной из основ "казацкого мифа" является раннемодерный миф *antemurale* с его антитурецкой направленностью. На эту особенность обратил внимание Дж. Армстронг:

Восстание Хмельницкого... вызвало к жизни миф о спасителе из приграничных земель. Этот миф, более чем... язык или историческая память о Киевской Руси, составил основу зарождающейся "украинской" идентичности... Следует отметить, что аналогичные элементы мифа появлялись вдоль всей протяженной исламо-христианской границы. Многие из элементов мифа

⁵⁸ С точки зрения Дж. Армстронга, такого рода комбинация противоречащих друг другу мифов часто служила укреплению национального самосознания. В качестве примера он приводит политическую инструментализацию мифов о гуннах и о Св. Стефане в венгерской историографии. Armstrong, Nations. Київ, 2004. P. 50.

antemurale были включены в идеологию прилежащих к ней христианских государств – Кастильской монархии, Габсбургской империи, Польши, России.⁵⁹

Формирование "казацкого мифа" как основного компонента мифа происхождения началось в конце XVI – начале XVII веков, его структурные элементы были заложены во времена казацких летописцев, позже Котляревского и Шевченко, но его современное оформление совпало со второй половиной XIX – началом XX веков.⁶⁰ По мнению А. Каппелера, эта мифологема не только сглаживала противоречия между национальной элитой и более низкими социальными слоями, но и между "гражданской/западной" и "этнической/незападной" моделями нации. Другой известный специалист по украинской истории, Франк Сынсин, считает, что "казацкий миф" также выполнял социальную функцию в национальном движении конца XIX – начала XX веков: поскольку в массовом сознании казачество ассоциировалось с борьбой против общественного неравенства, на ранней популистской стадии национального движения демократические традиции Сечи рассматривались как позитивная традиция.⁶¹ Яна Бюргерс, еще одна исследовательница украинского национального самосознания, проследивает два направления в конструировании и функционировании "казацкого мифа". Одно связано с декларацией солидарности, свободолюбия и равноправия, присущих "казацкому духу". В другом акценты расставлены на элементах государственности и структурной иерархии, ассоциирующихся с историей Гетманата.⁶²

Для Томашивського "казацкий миф" не мог выполнять всех вышеизложенных функций. Его прогалицкая ориентация конфликтовала с идеей казачества как общеукраинской объединяющей силы. И хотя идеи Томашивського не попали в мейнстрим украинского национального

⁵⁹ Armstrong. Myth and History. P. 132.

⁶⁰ Serhii Plochy. Historical Debates and Territorial Claims: Cossack Mythology in the Russian-Ukrainian Border Dispute // S. F. Starr (Ed.). The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. Armonk, NY, 1994. P. 157.

⁶¹ Andreas Kappeler. Die Kosaken-Ära als zentraler Baustein der Konstruktion einer national-ukrainischen Geschichte. Das Beispiel der Zeitschrift "Kievskaja Starina" 1882-1891 // A. Kappeler (Hg.). Der Schwierige Weg zur Nation. Wien u. a., 2003 (Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas, 20). S. 123-135; Frank Sysyn. The Reemergence of the Ukrainian Nation and Cossack Mythology // Social Research. 1991. Vol. 58. No. 1. P. 849; Serhii Plochy. Historical Debates.

⁶² Jana Bürgers. Kosakenmythos und Nationsbildung in der postsowjetischen Ukraine // Konstanzer Schriften zur Sozialwissenschaft. Band 71. Konstanz, 2006. S. 38.

движения, им также была суждена долгая жизнь в историческом нарративе. Приведу лишь несколько примеров из современного украинского дискурса, в котором можно найти любые возможные комбинации идей по вопросам идентичности и цивилизационной принадлежности Украины.

Недавно польская исследовательница Оля Гнатюк опубликовала статью на эту тему. Она разделила дискуссионтов на пять основных групп. Первая включает в себя тех, кто утверждает, что для Украины характерна некая форма пограничной культуры на перекрестке различных традиций. Украина видится им в образе некоего моста, объединяющего два мира. Это в основном историки, занимающиеся периодами наиболее интенсивных контактов между Востоком и Западом на территории современной Украины. Вторая группа постулирует особое положение Украины на границе европейской цивилизации, воспроизводя таким образом миф *antemurale*. Третья группа проводит границу между Востоком и Западом внутри самой Украины, пытаясь объединить между собой первые две позиции. К сожалению, вместо желанного единства происходит раскол идентичности по территориальному принципу. Четвертая группа, в которую входят в большинстве своем художники, пытается позиционировать украинскую культуру в контексте западной традиции. Наконец, пятая группа выступает за идею Украины как центрально-европейского государства.⁶³

Как видим, идеи Томашивського вполне жизнеспособны. Вероятно, его творческое наследие ближе всего третьей группе украинских интеллектуалов. Достаточно вспомнить прозу и поэзию Ю. Андруховича⁶⁴ или нашумевшую публикацию М. Рябчука о "двух Украинах".⁶⁵ Здесь есть и апологизация Галиции как европейского органа в теле украинского государства, и западничество (в случае Андруховича), и даже некоторые элементы идеологии *antemurale*. И все же все они пропагандируют биполярную модель, все ту же оппозицию "Восток-Запад". "Географический треугольник" Томашивського (а вместе с ним и Рудныцького) в нее никак не вписан. Это стало предметом еще од-

⁶³ Ola Hnatiuk. Zwischen Ost und West. Über die ukrainischen Identitätsdebatten // R. Makarska, B. Kerski (Hrsgs.). Die Ukraine, Polen und Europa. Europäische Identität an der neuen EU-Ostgrenze. Osnabrück, 2004. S. 93.

⁶⁴ Alois Woldan. Regionale Identität am Beispiel von Andrzej Stasiuk und Juri Andruchowytch // Ibid. S. 259-266.

⁶⁵ М. Рябчук. Дві України // Критика. 2001. № 10. <http://krytyka.kiev.ua/articles/s4-10-2001.html> (Последнее посещение 21 января 2008 г.). Он же. Дві України. Реальні межі, віртуальні війни. Київ, 2003.

ной дискуссии в современном украинском интеллектуальном сообществе. Толчок дали публикации Натальи Яковенко о мифах в украинском самосознании и статья Ярослава Дашкевича о роли османского Востока в украинской истории.⁶⁶ В ходе обсуждения оказалась затронута и проблема Центральной Европы.⁶⁷ Немаловажную роль в "реконструкции треугольника" играют также попытки вписать украинскую историю в контекст "исследований пограничья".⁶⁸

Вообще интерес к географическому фактору сегодня является одной из доминант в конструировании национального нарратива. Здесь, как и во времена Томашивського, доминирует т.н. примордиалистская версия нациогенезиса украинцев, в основе которой – идея континуитета украинской государственности. На этой основе строятся различные модели формирования национального самосознания, где ключевыми понятиями являются "казачество", "Степь", "колонизация", "империи".⁶⁹

Конечно, не все мифы и исторические концепции, сконструированные в начале XX века, переживают "вторую весну" в современном украинском интеллектуальном дискурсе. И все же именно "геополитический компонент" является одним из наиболее популярных в этих моделях. Будет ли когда-нибудь 3 равняться 2, сойдутся ли интеллектуалы во мнении о формах украинской идентичности, покажет время. Но место для концепции Томашивського в этой дискуссии еще осталось.

* * *

В заключение хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу того, какое место занимает "географический фактор" Томашивського в концептуализации украинского геополитического пространства.

Томашивський примечателен своим стремлением обосновать политическую автономию Галиции историческими причинами. Кроме того, сконструированная им троичная модель историко-политического развития всей Украины, в которую вписана бинарная схема, применимая только к Галиции, питала разного рода мифы происхождения.

⁶⁶ Н. Яковенко. Кілька спостережень; Я. Дашкевич. Україна на межі між Сходом і Заходом // Записки НТШ. Т. 222. Львів, 1991. С. 28-44.

⁶⁷ О. Бетлій. Перевинайденья Східної Європи.

⁶⁸ Показателен интерес к концепции "Multiple Borderlands" Альфреда Рибера. См. на эту тему мою статью Ruthenian Lands and the Early Modern Multiple Borderlands in Europe. Ethno-Confessional Aspect // Th. Bremer (Ed.). Religion and the Conceptual Boundary in Central and Eastern Europe. London, 2008. Pp. 40-64.

⁶⁹ Подробнее см. Г. Касьянов. Теорії нації та націоналізму. С. 267-269, 272-273.

В этом состоит его вклад в интеллектуальный дискурс начала XX века. И в этом, собственно, важность идей Томашивського в контексте современных украинских интеллектуальных дебатов. Конечно, политическая составляющая его концепции (галицкая автономия в составе Польского государства) мало кому сейчас кажется привлекательной. А вот прозападная ориентация и акцентирование роли греко-католической церкви в процессе становления национального государства, антироссийские пассажи и идея государственного континуитета оказались вполне применимы для конструирования современных национальных нарративов. Не случайно журнал "Ковчег", выпускаемый Украинским Католическим Университетом во Львове, перепечатал практически без комментариев исследование Томашивського по истории церкви на Украине.

Кроме того, идея "географического треугольника" приобретает новое значение в контексте формирования геополитического пространства независимой Украины. Речь идет не только о популяризации мифов о национальном характере и *antemurale christianitatis*, но и о роли османского наследия в украинской истории. Поэтому переосмысление интеллектуального наследия Томашивського как одного из идеологов консервативного направления украинской общественно-политической мысли межвоенного периода еще впереди.

SUMMARY

The article deals with the historical and political writings of one of the leaders of the Ukrainian émigré conservative movement, Stepan Tomashivs'kyi (1875-1930). It traces his impact upon the formation of the various historical narratives, myths and symbolic geography at the beginning of the twentieth century. In particular, the article aims at reconsidering the role of geographical factors in Tomashivs'kyi's historical concept, outlining the originality of his triune model of Ukrainian geopolitics ("Ukrainian triangle"). The author attempts to place Tomashivs'kyi's writings within the framework of various theories of nationalism and models of constructing symbolic geography in Ukrainian historiography. The article consists of three parts. The first deals with Tomashivs'kyi's historical and political concepts; the second is devoted to Tomashivs'kyi's intellectual surrounding and various models of Ukrainian historical narrative at the turn of the nineteenth century; the third part analyzes contemporary forms of Ukrainian historical mythology's relevance to early twentieth century intellectual discourse.

Patryk BABIRACKI

IMPERIAL HERESIES: POLISH STUDENTS IN THE SOVIET UNION, 1948-1957*

"From all of the above we can conclude that we should wager mainly on the youth, by making effort to prepare them for scientific-educational work, and do so mainly through graduate studies in the Soviet institutions of higher education."¹

N. I. Vinogradov (after giving a series of lectures and consultations in Polish universities in the winter and spring 1951.)

"But even more than the climax of Stalinist terror in Czechoslovakia, it was my five-year stay in Moscow that gave rise to my first serious ideological doubts."²

Zdeněk Mlynář

* Research for this article was supported in part by the Fulbright-Hays program of the U.S. Department of Education, as well as with funds provided by the U. S. Department of State through the Title VIII Program and the IREX Scholar Support Fund. None of these organizations is responsible for the views expressed. Subsequent drafts of this article have benefited from intellectual insights and bibliographic assistance of numerous